ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

DOI 10.15593/perm.kipf/2018.1.01

УДК 177.72

МИЛОСЕРДИЕ: ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Е.М. Березина

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4122-2414>

Представление о милосердии как о важном условии человеческого общежития, существенном нравственном требовании присутствует в философском дискурсе со времен глубокой древности. В истории философии и этики, а также в общей языковой традиции в термин «милосердие» (или его смысловой заменитель) вкладывались разнородные значения, что определяет необходимость его дополнительной понятийной экспликации.

С целью определения «понятийной формулы» милосердия осуществлен концептуально-логический анализ заповеди любви в христианской традиции, а также идей европейских мыслителей, значимых в данном смысловом контексте.

С возникновением национальных и мировых религий заповеди милосердия вошли в вероучения, приобретая статус норм, освященных божественным авторитетом. Христианство вносит особые императивы в осмысление помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Благовещение (в широком смысле слова включающее благотворительность, социальное призвание) становится одной из форм практического воплощения милосердия. Позднее феномен милосердия вошел в область углубленно-теоретических размышлений. В новоевропейской моральной философии близким христианскому понятию милосердия становится понятие благожелательности. В общем философско-культурном контексте XX века милосердие осмысливается как форма общения, форма реальной человеческой связи. Особые ракурсы проблема милосердия приобретает в контексте этики заботы.

Анализ этико-философской традиции свидетельствует о трудностях формирования единой «понятийной формулы» милосердия, поскольку речь идет о структуре, имеющей разнообразные измерения, детерминанты, корреляции. При всех различиях теоретических трактовок на самом общем уровне «милосердие» – системное образование, предполагающее два необходимых компонента: во-первых, специфическое отношение к Другому – понимающее и сопереживающее; во-вторых, инициативное действие, направленное на благо Другого. Таким образом, милосердие может быть рассмотрено как единство духовной и конкретно-практической сторон поведения человека. В данном контексте милосердие может быть представлено в качестве индивидуальной культурной практики; деятельного осуществления «любви к ближнему» в разных видах помощи, опосредованного эмоционально-психологическими состояниями (проникновение – вчувствование в переживания Другого).

Ключевые слова: милосердие, «любовь к ближнему», сострадание, эмпатия, человеколюбие, симпатия, забота, помощь.

CHARITY: AN EXPERIENCE OF CONCEPT DEFINITION

Elena M. Berezina

Perm State University, Perm, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4122-2414>

Since the time of extreme antiquity the concept of charity as an important and even fundamental condition for human community, an essential moral requirement has presented in philosophic discourse. In the history of philosophy and ethics as well as in general linguistic tradition, the term "charity" (or its semantic variable) had different meanings. So it is necessary to give additional conceptual explication of this term.

In order to determine the "conceptual formula" of charity it has been made conceptually-logic analysis of love commandment in Christian tradition and of the European philosophers' ideas which were meaningful in the given semantic context.

Since the appearance of national and world religions charity commandments were included in doctrinal statements acquiring the status of norms consecrated by divine authority. Christianity included special imperatives in comprehension of help to those people who found themselves in hard living situation. Charitable assistance (involving charity and social care in the wide sense) is becoming one of the forms of practical beneficence. Later the phenomenon of charity became the subject of profound theoretical reflection. In new European history of philosophy and ethics the concept of kindness has become close to the concept of charity. In general philosophic-cultural context of the 20th century charity is interpreted as a form of communication, a form of real human contact. The problem of charity acquires special features in the context of ethics of care.

Analysis of ethics-philosophy tradition shows difficulties in formation of the single "conceptual formula" of charity since we speak about the structure having various measurements, determinants, correlations. Despite the difference of theoretical concepts on the general level "charity" is the system formation involving two necessary components: firstly, specific attitude to the Other person – understanding and empathy; secondly, an initiative aimed at the benefit of the Other. Thus, charity may be considered as the unity of spiritual and particularly practical aspects of human behavior. In this context charity may be presented as individual cultural practice; active realization of "love to neighbor" in different kinds of help, mediated by psychological emotional states (emphatic penetration in feelings and emotional experience of the Other person).

Keywords: charity, "love to neighbor", compassion, empathy, philanthropy, sympathy, care, help.

Концептуальному оформлению идеи милосердия, а также утверждению паттерна «помогающего поведения», основанного на «любви к ближнему», способствовали национальные и мировые религии, вносящие в профанное сознание сакрально-возвышающие дискурсы.

Как этическое понятие «милосердие» обозначается уже в Пятикнижии. Древнееврейское слово «hesed» («любящая доброта») выражает не только характер отношения Бога к людям, но и задает норму отношениям между людьми. В Книге Левит приводится целый ряд норм, запрещающих негативное отношение к ближнему в повседневной жизни – причинение физического вреда, хищение, клевету и др. [1, Лев. 19:9–18]. Завершает этот перечень норм предписание любви к ближнему: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя» [1, Лев. 19:18]. Слово «ближний» означает здесь «такой же, как ты» или «подобный тебе» – родственник, сосед, единоведец. Заповедь любви к ближнему не находит развернутых пояснений (в том числе и в аспекте деятельной любви, оказания помощи), оставаясь в формате запретов, которые определяют рамки допустимого поведения. «Запретительная модальность, – отмечает Р.Г. Апресян, – с любовью не сочетается. В лучшем случае запреты очерчивают условия возможности любви» [2, с. 47].

Особый статус, по сравнению с Ветхим Заветом, любовь (любовь – агапэ) получает в христианстве. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» обозначается главной заповедью [1, Мф. 22:39]. Любовь – агапэ наделяется характеристиками всеобщности, поскольку под «ближним» подразумевается не только «близкий круг», но и «дальний» («чужой» и «враг»): «И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете?» [1, Мф. 5:43]. И в качестве настоятельного требования звучит: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [1, Мф. 5:44–45]. По мнению Р.Г. Апресяна, суть христианской любви выражается прежде всего в новой наполненности отношений между людьми – духом «всецелой слиянности, глубинного единения» [2, с. 50]. Здесь определяется водораздел между ветхозаветной этикой закона и новозаветной этикой любви. Любовь, утверждая «единение с другим», преодолевает саму возможность деяний, противоречащих нормам – законам. Более того, она делает законы излишними [2, с. 50].

В Новом Завете любовь предстает как деятельность, воплощающаяся в конкретных поступках и отношениях. В Первом послании к Коринфянам апостол Павел говорит: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1, 1 Кор. 13:4–7].

Одним из проявлений «глубинного единения» становится прощение и сострадание: «Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (1, Еф. 4:32). Сострадание, неотделимое от милосердия, является одним из проявлений нравственного долга по отношению к тем, кто оказывается в трудной жизненной ситуации, и вместе с тем – реализацией благочестивых помыслов. В этом эмоционально насыщенном чувстве преодолеваются различия между тем, кто оказывает поддержку и помощь, и тем, кто их принимает.

Милосердие осмысливается в качестве условия, без которого не может раскрыться Божественная любовь к людям: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» [1, Лк. 6:36]. Мило-

сердце любви содержит в качестве своего нормативного основания сакральный идеал – милосердную и инициативную любовь Бога к людям. Человек может оказаться настолько «не ближним», что полюбить его невозможно, но любовь к Богу (а значит, и подражание Богу) помогает отнестись с состраданием и к такому ближнему – постараться понять его. От человека требуется сознательное усилие, направленное на содействие благу Другого. В данном контексте милосердие приобретает значение важной «технологии себя», нравственно преобразующей человека [3].

В новоевропейской моральной философии близким христианскому понятию милосердия становится понятие благожелательности.

Сострадание укоренено в симпатии, которая представляет собой мощный стимул для сочувствующего нравственного сознания. Представители этического сентиментализма (Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Д. Юм) подчеркивали естественный, спонтанный характер деятельности по оказанию помощи и поддержки Другому. По мнению Шефтсбери, «взаимная привязанность» – первооснова человеческого общежития. Ф. Хатчесон полагал, что «обращенность к Другому», утверждаемая принципом милосердия и благожелательности, наличествует в природе человека как особая склонность (врожденная способность). Д. Юм выделяет среди движущих мотивов нравственного поведения стремление к личному благу, справедливость, чувство благорасположения, сочувствие (симпатию). Особенная роль в этом ряду принадлежит сочувствию (симпатии), посредством которого смягчаются и в конечном счете преодолеваются себялюбивые влечения [4, с.163].

Рассмотренный способ понимания милосердия как особого типа отношения к Другому (сопереживающего отношения) был характерен и для представителей утилитаризма (Дж. Бентам, Дж. Милль), позитивизма (О. Конт), Г. Спенсера, П. Кропоткина, А. Шопенгауэра и др.

Так, по мнению А. Шопенгауэра, объективным (онтологическим) условием для выражения человеколюбия («каритас») становится страдание – «очистительный процесс, который один в большинстве случаев освящает человека, то есть отклоняет его от ложного пути волеия жизни» [5, с. 207].

Нравственность для А. Шопенгауэра начинается с чувства сострадания (а не соображений себялюбия или долга). В чувстве сострадания отмечаются две стороны: что-то удерживает человека от того, чтобы причинять страдание Другому, и влечет к действию, когда другому причиняют страдания. В первом случае проявляется справедливость, во втором – любовь к ближнему [6, с. 110].

И. Кант рассматривает проблему милосердия в контексте этической рациональности. По его мнению, «любовь к ближнему» заключается не только в благожелательности, но и в совершении благодеяния. Существо моральной благожелательности состоит не в том, что человек желает добра кому-либо, а в проявлении желания, чтобы другой (даже враг) стал достоин добра. Следовательно, это – выражение желания, чтобы «другой обрел себя, чтобы он стал достоин счастья и действительно достиг его» [7, с. 180].

Важная роль в осуществлении «любви к ближнему» принадлежит состраданию как одному из «заложённых в нас природой побуждений делать то, чего представление о долге само по себе выполнить не может» [7, с. 339]. Следовательно, там, где долг оказывать благодеяния не в силах убедить субъекта осуществить действительную помощь, поскольку требуются большие усилия или затраты, сострадание может быть вненравственным мотивирующим условием. Вместе с тем И. Кант заключает, что благодеяние только из сострадания – это «оскорбительный способ благодеяния, так как он выражает благоволение, которое относится к недостойному и называется милосердием...» [7, с. 338–339]. Таким образом, милосердие предстает результатом спонтанного чувства сопереживания и является лишь частным случаем человеколюбия.

Для постновоевропейских этических и философских течений XX века характерно понимание морали как сферы, прежде всего, внутренней убежденности, точнее «самотивации». В этом

общем философско-культурном контексте проблема милосердия анализируется через призму субъектно-субъектных отношений (Э. Фромм, М. Фуко, Р. Барт, Э. Гидденс, З. Бауман). Здесь любовь и милосердие осмысляются как форма общения, форма реальной человеческой связи.

Особые ракурсы проблема милосердия приобретает в контексте этики заботы.

М. Хайдеггер, анализируя понятие «забота» в онтологическом контексте, в частности, интерпретирует заботу, как то, что вводит сущее (человеко-самость) в его бытие (присутствие). Данный тезис особенно значим, поскольку указывает на фундаментальность заботы, возвращая человека из растворенности в толпе, из обезличенного существования к самому себе (присутствию) и тем самым связывает людей на глубинном, бытийственном уровне [8, с. 117–126, 180–212].

По мнению представителей феминистской этики (К. Гиллиган, Н. Ноддингс, С. Радек, Д. Тронто), в заботе выражается потребность объединения с другими людьми. Забота (а по существу, милосердие) понимается «как инициативное, деятельно-заинтересованное отношение к Другому, направленное на его благо» [9, с. 199]. Феминистская трактовка заботы воспроизводит существенные характеристики милосердия предшествующей классической этики, но в другом философском контексте, исключая трансцендентный идеал (Бога, абсолютный моральный закон и др.). Исследователи, характеризуя христианскую идею универсальной любви, обозначают ее «предельную абстрактность». Иллюзорность «любви-агапэ» заключается в том, что все объекты заповеди любви – «Другие» – выступают перед субъектом как равные и при любых условиях – как ближние. Следовательно, предполагается принятие «Другого» в качестве ценности – т.е. самого по себе. Тем самым остаются без внимания субъективно-психологические основания заботливого отношения к Другому, в то время как важнейшей составляющей заботы становится понимание ситуации Другого (объект заботы – это понятый Другой). В связи с этим забота не может быть сведена к хорошему отношению, доброму чувству или эмоциональному порыву, она имеет повседневный и рутинный характер. «Человек заботящийся» самостоятельно определяет свой выбор, что обуславливает стабильность и последовательность заботы.

Анализ этико-философской традиции свидетельствует о трудностях формирования единой «понятийной формулы» милосердия. Трудность понятийного определения милосердия обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, милосердие не ограничивается какой-либо одной предметно-обособленной сферой явлений. Во-вторых, явления, обычно включаемые в понятие милосердия, крайне разнородны: 1) действия и поступки индивида, социальных групп и обществ (самопожертвование, доброжелательность, благотворительность); 2) тип общественных отношений между людьми и социальными группами (обозначаемый как «гуманные»); 3) феномен воли, побуждения, мотивы, устремления человека (симпатия, сочувствие, сострадание); 4) ценностные значения (добро или зло; любовь и ненависть; жалость). Таким образом, милосердие представляется феноменами самой различной природы (действия, отношения, психология, ценности). Более того, мы имеем дело со структурой, имеющей самые различные измерения, детерминанты, корреляции.

Многозначность термина присутствует и в современном разговорном и литературном языке. Так, во французском языке *милосердие* (*charite, misericorde*) соотносится с понятием (синонимом) *великодушие* (*clemence*) и с понятием *милость* (*pitie, clemence*); в немецком языке милосердие (*barmherzigkeit*) выступает в качестве синонима слова «милость» (*gnade*); в английском милосердие выступает в качестве синонима слов «жалость», «сострадание», «прощение», а также «благотворительность» (*charity*).

Полисемичность слова «милосердие» фиксируется и в русском языке. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля милосердие определяется как «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому» [10, с. 327]. Включая в толкование милосердия слово «любовь», В. Даль обращает внимание и на особое внутреннее состоя-

ние, обусловленное милосердием, давая такие пояснения, как «сердоболие», «жалостливость». Осуществление милосердного деяния по отношению к Другому означает «соболезновать, сострадать, жалеть или желать помочь» [10, с. 327].

В современных толковых словарях подчеркиваются идейно-генетические истоки милосердия как ценности, относящейся к культуре христианства. Однако пространство развертывания понятия не ограничивается форматом христианской добродетели, поскольку это – «вообще бескорыстная помощь, сострадание к людям» [11, с. 584].

Идея милосердия присутствует в публичном дискурсе, причем не только в непосредственном словоупотреблении, но и в широком семантическом ряду как «сострадание», «жалость», «доброта», «забота о ближнем», «благотворительность» и др. Исследователи русского языкового сознания фиксируют наличие двух значимых аспектов в понимании милосердия. Так, слова «доброта», «любовь», «сочувствие», «жалость» «ассоциируются с духовным прощением, пониманием, сожалением»; требование и необходимость реализации милосердия соотносится с участием в благотворительной деятельности [12, с. 138].

В углубленно-теоретических размышлениях, а также в общей языковой традиции «милосердие» представляется системным образованием, предполагающим два необходимых компонента: во-первых, специфическое отношение к Другому – понимающее и сопереживающее; во-вторых, инициативное действие, направленное на благо Другого. В связи с этим милосердие может быть рассмотрено в единстве духовной и конкретно-практической сторон поведения человека.

Милосердие обозначает интересубъективный опыт взаимодействия людей, особая роль в котором принадлежит эмпатии (проникновение-вчувствование в переживания Другого). Сама по себе «эмпатия» вне моральной мотивации не является этическим феноменом, это субъективно-психологический процесс. Следовательно, эмпатия может рассматриваться в качестве неморального мотива поведенческой практики. Функционально эмпатия выступает механизмом, облегчающим взаимодействие с другим, и способом принятия позиции Другого. Посредством эмпатического переживания осуществляется ценностно-эмоциональная интерпретация собственных действий в контексте их социальной допустимости и приемлемости. Эмпатия отражает моменты сочувственно-резонансного восприятия негативных душевных состояний Другого и проявляется в высокой амплитуде психологического напряжения. Ощущение психологического облегчения и эмоциональной разрядки – «катарсис», как правило, сопровождает осуществляемое милосердие. Термин «катарсис» – очищение, сопряженное с сочувствием-состраданием (к герою трагедии), – впервые описанный Аристотелем, обнажает в милосердии его возвышающий, очищающий и облагораживающий потенциал.

Пространство милосердного поступка разворачивается от чувства (со-чувствия), спонтанного желания и эмоционального порыва до принятия обязательств заботиться и совершать последовательные усилия, направленные на оказание помощи Другому. Отметим, что «помощь составляет особого рода вклад (материальный или нематериальный) в удовлетворение потребностей другого человека» [13, с. 1]. Диапазон видов социальной помощи широк: от оказания поддержки людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (в формате «от лица к лицу»), до участия в систематизированной и организованной гуманитарной деятельности добровольных объединений (общественная благотворительность). В определенном смысле социальная практика милосердия ситуативно обусловлена, поскольку речь идет об удовлетворении конкретных потребностей Другого, и предполагается, что именно эти потребности будут удовлетворены. Однако прагматика милосердия оставляет «открытыми» вопросы: что должно быть предметом милосердия – благо другого человека или собственное представление о благе человека? существуют ли границы допустимого или возможного благодеяния?

«Любовь к ближнему» предполагает не только участливое отношение к людям в противовес небрежению, но и ограничение себя, требование жертвенности ради Другого (необходимость согласования индивидуального стремления «Я» с индивидуальным стремлением «Другого»). Сущностной чертой милосердия является «асимметричность», что означает инициативный, избыточный характер действия, без ожидания равного ответа или взаимности. В данном контексте милосердие является особой культурной практикой по изменению, совершенствованию себя.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. – М., 1994. – 298 с.
2. Аapresян Р.Г. Агапэ // Человек. – 2015. – № 2. – С. 42–56.
3. Фуко М. Технологии себя // Логос. – 2008. – № 2(65). – С. 94–120.
4. Кропоткин П.П. Этика: Избранные труды. – М.: Изд-во полит. лит., 1991. – 496 с.
5. Шопенгауер А. Избранные произведения. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.
6. Березина Е.М. Милосердие и справедливость: сопряженность смыслов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 18. – С. 108–114.
7. Кант И. Лекции по этике. – М.: Республика, 2000. – 431 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступ. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
9. Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль. – 2000. – № 1. – С. 195–229.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. – 525 с.
11. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. – М.: Эксмо, 2006 – 1136 с.
12. Никитина М.Ю. Концепт милосердия в современном языковом сознании (психолингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2 (32): в 2 ч. Ч. II. – С. 135–138.
13. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/07.php (дата обращения: 10.01.2018).

References

1. Bibliia. Knigi Sviashchennogo Pisanii Vekhogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie [The Bible. Books of the Holy Writ of the Old and New Testament: Canonical]. Moscow, 1994, 298 p.
2. Apresian R.G. Agape [Agape]. *Humanus*. 2015, no. 2, pp. 42-56.
3. Fuko M. Tekhnologii sebii [The technologies of himself]. *Logos*, 2008, no. 2(65), pp. 94-120.
4. Kropotkin P.P. Etika: Izbrannye trudy [Ethics: Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991, 496 p.
5. Shopenhauer A. Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1997, 544 p.
6. Berezina E. M. Miloserdie i spravedlivost': sopriazhennost' smyslov [Charity and justice: the conjugation of meanings]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012, no. 18, pp. 108-114.
7. Kant I. Lektsii po etike [Lectures on Ethics]. Moscow, Respublika, 2000, 431 p.
8. Heidegger M. Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika, 1993, 447 p.
9. Artem'eva O.V. Etika zaboty: feministskaia al'ternativa klassicheskoi filosofii [Ethics of care: a feminist alternative to classical philosophy]. *Ethical thought*, 2000, no. 1, pp. 195-229.
10. Dal V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. Tom 1 [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1]. Moscow, Russkii iazyk, 1978, 525 p.
11. Skliarevskaja G.N. Tolkovyj slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka. Aktual'naja leksika [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Actual lexis]. Moscow, Eksmo, 2006, 1136 p.
12. Nikitina M.Iu. Kontsept miloserdie v sovremennom iazykovom soznanii (psikholingvisticheskii aspekt) [Concept of charity in modern linguistic consciousness (psycholinguistic aspect)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 2 (32): In 2 parts. Part II, pp. 135-138.
13. Luman N. Formy pomoshchi v protsesse izmeneniia obshchestvennykh uslovii [Forms of assistance in the process of changing the social conditions], available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/07.php (accessed 10 January 2018).

Получено: 16.01.2018

Принято к печати: 06.02.2018